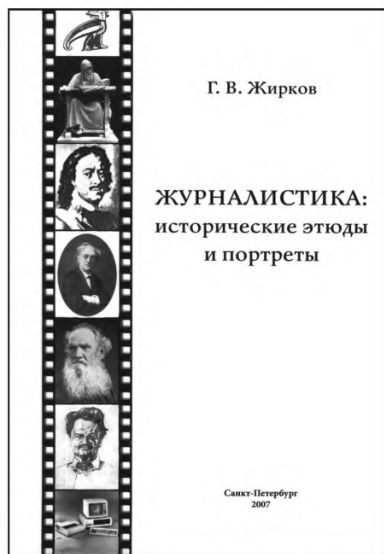

ВЛАСТЬ – ЦЕНЗУРА – ПРЕССА: ОТ «КУРАНТОВ» ДО ИНТЕРНЕТА

Жирков Г. В. Журналистика: Исторические этюды и портреты. СПб.: Роза мира, 2007. — 662 с.

Состояние российской журналистики в конце XX — начале XXI в. отмечено параллельным разрушением старых, устоявшихся форм и бурным всплеском новаций, инициатив. Степень допустимости первого и конструктивности второго в немалой мере можно определить через обращение к истории нашей печати. Причем это равно относится и к ее практике, и к ее теории.

В настоящих заметках речь идет о книге Г. В. Жиркова, доктора филологических наук, профессора, заведующего кафедрой истории журналистики С.-Петербургского государственного университета. Монографический сборник научных трудов интересен не только как цикл рассказов о примечательных эпизодах прошлого и неоднозначных явлениях настоящего в функционировании СМИ. Он в известном смысле интересен и как отправная точка, как масштаб для измерения

параметров минувших событий, оценки сегодняшних проблем и изобретений, которыми богата жизнь нашей прессы. В четырех разделах объемного сборника автор дает личную интерпретацию, выносит на суд равнодушного читателя около сорока различных сюжетов. Естественно, что некоторых из них мы касаемся бегло, на других, в силу их значимости, останавливаемся подробнее.

В аннотации к книге говорится о ее предназначенности всем интересующимся журналистикой в широком смысле, историей России, культуры, цензуры, информационного рынка и публицистики, особенно — преподавателям и студентам вузов. На наш взгляд, статьи, вошедшие в сборник, наиболее полезны исследователям, прежде всего молодым. В предисловии Г. В. Жирков обращает внимание на давление стереотипов, накопленных в общественной и научной мысли в давние времена, а также сотворяемых сегодня. Среди этих стереотипов главенствуют фигуры замалчивания и мифологизации исторического знания (С. 3, 8). Первый шаблон «удобен» для описания литературно-журналистского процесса любой эпохи. На историческую сцену выводится определенный круг действующих лиц, когда-то и от кого-то получивших мандат на известность, а остальные герои того далекого или не очень далекого дня как бы вовсе и не существовали.

Под стать первому стереотипу и второй, связанный с сотворением исторического мифа и уверованием в этот миф. «...Происходит, — пишет Г. В. Жирков, — вольно-невольное искажение фактов, событий, биографий; подмена исторических документов, реалий; приукрашивание героя произведения или, наоборот, превращение его в злодея» (С. 8). Это тоже «удобно», поскольку избавляет исследователя от скрупулезной проверки и сопоставления фактов, а главное — от их осмысления на линии не субъективизации, а объективизации исторического процесса. В том

числе, в области журналистики. Большинство материалов сборника как раз и посвящено разрушению названных стереотипов.

В разных своих статьях Г. В. Жирков не один раз цитирует и придает особое методологическое значение высказыванию известного русского историка В. О. Ключевского: «...Исторические факты ценятся главным образом по своим последствиям»¹. Эпиграфом к сборнику можно было бы поставить слова автора: «Историзм, конкретно-исторический анализ, реставрация, реконструкция исторического процесса в контексте ушедшей эпохи, в соотношении с истоками и последствиями — вот путь, помогающий при воссоздании прошлого избежать излишние налеты его субъективизации» (С. 10). Отсюда не только высокая исследовательская добросовестность автора, профессиональный документализм, но и обращенность едва ли не каждого затронутого исторического сюжета в настоящее.

Первый раздел книги посвящен истокам русской журналистики: событиям XVI–XVII вв., устному и письменному слову Православной церкви, началу печатного дела, основанию Петром Великим первой отечественной газеты, информационной Северной войне и т. д. Казалось бы, «преданья старины глубокой». На самом же деле Г. В. Жирков воссоздает картину того, как информационный процесс вбирал в себя все большее число разных коммуникативных явлений, как сама журналистика ими обогащалась и становилась «составной частью человеческой среды обитания» (С. 10). Указанный процесс, без сомнения, имеет универсальный и не подверженный влияниям времени характер. В изучении новейших информационных технологий совершенно необходимо выявление их предшествующих составляющих. Специфику классической русской журналистики XIX–XX вв. невозможно понять без знания истории «Курантов» и «Ведомостей», Книги Марсовой. Точно так же проблемы, возможности разумного поведения человека в границах сегодняшней инфоноосферы (термин Г. В. Жиркова) нельзя серьезно обсуждать, не опираясь на объективные исторические сведения о начальных этапах движения социума к информационному обществу. То есть сущностное значение первой части монографии прежде всего генетико-методическое.

Следующая тема, на которой мы считаем необходимым остановиться, обозначена автором, как «Ф. И. Тютчев — цензор-просветитель». Г. В. Жирковым написано немало интересных работ о деятельности выдающегося русского поэта на посту председателя Комитета цензуры иностранной (КЦИ) в 1858–1873 гг.² На самом деле тема шире, чем биографическая, и охватывает проблемы взаимоотношений власти, цензуры и прессы. Проблемы, которые красной нитью пронизывают практически весь сборник. Позволительно, казалось бы, высказать легкое недоумение: а посвежее подхода не нашлось? Ведь этот путь прошел легион историков печати, начиная с А. Н. Радищева³. Но хорошо направляющими исследователя оказались как раз «старые» ориентиры, наиболее отвечающие принципам системности.

В соответствии с этими принципами журналистику можно рассматривать как противоречивое единство управляемой (собственно периодика) и управляющей (цензура и другие уполномоченные органы) подсистем. Стоящая над ними верховная власть осуществляет правительственную литературно-информационную политику, в зону действия которой в равной степени попадают обе подсистемы. Не случайно ведь множество высочайших повелений и министерских циркуляров адресовано именно цензорам — исполнителям названной политики.

На примере чиновника высокого ранга и одновременно крупного социального мыслителя Тютчева Г. В. Жирков показывает, что может и чего не может сделать генерал от цензуры в интересах просвещения. «Он пытался, — подчеркивает автор, — с одной стороны, убедить власть имущих в необходимости видеть позитивную роль печати в жизни общества, дать ей необходимую свободу... а с другой стороны, Тютчев считал важным показать редакторам и журналистам, что эпоха реформ требует от них конструктивного диалога с правительством, а не конфронтации с ним...» (С. 191). Но дело не обходилось без конфронтации иного рода. С особым интересом читаются в книге страницы о том, как назревал и чем разрешился конфликт между Советом Главного управления по делам печати и министром внутренних дел П. А. Валуевым после введения в действие Временных правил 6 апреля 1856 г. (С. 179–192). Ряд членов Совета, в том числе Тютчев, выступили против слабо обоснованных административных предостережений редакциям изданий за нарушение правил и против намерений министра превратить Совет в свое послушное орудие. Оппозиция в «цензурном ареопаге» не смогла изменить позиции Валуева. Однако совесть Тютчева была чиста, ибо он в меру своих сил старался нейтрализовать «нравственные чудовищности и вопиющие нелепости» в режиме надзора за прессой (С. 187).

Наиболее эффективной была деятельность председателя КЦИ в непосредственно подчиненном ему ведомстве. Количество иностранной литературы и периодики, ввозимой в страну, постоянно росло. За 1858–1871 гг. ее число увеличилось в пять раз. Небезрезультатно выступал Ф. И. Тютчев и в роли посредника между властью и печатью, добиваясь оптимизации отношений между ними. Материалы о председателе КЦИ, собранные Г. В. Жирковым, показывают, что и отдельный представитель управляющей подсистемы целостной системы периодики мог, несмотря на неизбежные ограничения, немало сделать для развития прессы, для распространения в сфере власти идей свободы печатного слова.

Реформы 1860-х гг. дали много плодов. В их ряду — пробуждение тяги к чтению у тех, кого в те времена относили к «низшим сословиям». Публицист «Отечественных записок» С. Н. Кривенко в 1881 г. отмечал, что народ начал читать, «интересоваться жизнью, лежащею за его деревенской околицею, хочет знать многое относительно своих прав и обязанностей. А раз явилась эта потребность в знании и чтении — ее уже не вырвешь, не искоренишь никакими скорпионами и никакими корчевальными механизмами. Она так же настоятельно заявляет о себе, как голод и жажда»⁴. Народное чтение, участие интеллигенции в создании и распространении литературы для народа — тема большого очерка Г. В. Жиркова «Матвей Комаров или Лев Толстой?», также имеющего биографическую основу. Собственно, Матвей Комаров, автор популярных лубочных романов «Милорд Георг» и «Ванька Каин» (вторая половина XVIII в.) — фигура здесь символическая, олицетворяющая процветание лубочных издателей и книгопродавцев до самого конца XIX в.

Главный герой очерка — великий русский писатель Л. Н. Толстой, создатель уникального для тех времен «издательства с замечательным названием “Посредник” (1884–1925) — посредник между народом и интеллигенцией, между литературой народной и созданной интеллигенцией» (С. 243). В другой, правда, статье Г. В. Жирков цитирует проникательного и принципиального Н. А. Добролюбова: «Массе народа чужды наши интересы, не понятны наши страдания, забавны наши восторги. Мы действуем и пишем в интересах кружка, более или менее незначи-

тельного» (С. 481). Через четверть века после этого *высказывания* Лев Николаевич берется за дело *практически*. В очерке шаг за шагом прослеживается, как шел Толстой к идее «народной из народа литературы» (С. 238–239), к замыслу об организации издательства и сотрудничеству с И. Д. Сытиным, к критериям отбора произведений для народа, не тех, что «читают больше для содействия пищеварению», а несущих «знание истинных интересов жизни народа» (С. 261).

Как и другие части сборника Г. В. Жиркова, этот очерк заставляет задуматься о сегодняшней ситуации на рынке литературы и периодики для народа. (Хотя слово «народ» сейчас не в моде, больше говорят о массовой аудитории или электорате.) В середине 1880-х гг. литературно-издательское движение, инициированное Л. Н. Толстым, явило собой едва ли не первое общественное (не политическое!) движение. Движение литераторов и издателей — патриотов, стремившихся с помощью знания переустроить Россию, с помощью чтения поднять уровень нравственности в народе, усилить в нем чувство гражданственности. Не аналогичные ли задачи стоят перед интеллигенцией сегодня?..

Важная тема народного чтения перекликается с серьезным разговором о просветительской функции журналистики в исторической ретроспективе. «Информационная функция, — пишет Г. В. Жирков, — подчеркивает в журналистике ее объективные корни, ее сигнальную сущность, а просветительская уже несет в себе во многом субъективные факторы, определяющиеся деятельностью творца-просветителя» (С. 99). Эта функция, с точки зрения автора, вторичная по отношению к информационной. Для ее проявления потребовался целый комплекс условий: накопление знаний, дифференциация журналистики по их областям и отраслям, формирование потребностей аудитории и т. д. Здесь Г. В. Жирков считает важным обратить внимание на два явления, с наибольшей полнотой проявившиеся в России в XIX в. Во-первых, сложно, порой конфликтно взаимодействовали два информационных пласта. Один контролировался Церковью, другой — светской властью. Конфессиональные интересы нередко были преградой для распространения выводов науки. Но, во-вторых, не следует абсолютизировать консерватизм религиозного информационного пласта и духовной цензуры. Этот пласт, при всем его своеобразии, веками стимулировал атмосферу духовности в обществе, содействовал росту грамотности населения, распространял в народе знания, хотя и в церковной форме (С. 101–103). Следует согласиться с автором в том, что необходим взвешенный подход и к самому понятию «просвещенность», и к оценке каналов распространения знаний.

На недостаток знаний аудитория отвечает «информационным самообслуживанием» (термин Г. В. Жиркова). Оно может укореняться в традициях народа в виде сказок, былин, пословиц, поговорок и т. п. А может и появляться в любых слоях общества, если цензурный порядок ограничивает возможности прессы в реализации ее просветительской функции.

В статье рассказывается об опыте первого в России тонкого иллюстрированного еженедельника «Нива» (1870–1918), имеющего просветительские цели. Тираж журнала к началу XX в. достиг невиданного в стране уровня — 250 тыс. Кроме того, ежемесячно выходило еще 700 тыс. экземпляров различных приложений. Говоря о коммерческом успехе «Нивы», Г. В. Жирков замечает: «...Капитал крайне чувствителен к тем потребностям общества, которые могут дать прибыль» (С. 111). Следовательно, адрес вложения капиталов в тот или иной медийный сектор и

сегодня может служить безошибочным указателем направлений познавательных потребностей общества. О качестве этих направлений нужен, конечно, отдельный разговор.

Какие бы цели — самые возвышенные или приземленные — ни ставила перед собой пресса, она неминуемо сталкивается с законами и тенденциями информационного рынка. Статья «История российского информационного рынка: период становления» сначала возвращает нас в XV в., когда рукописная книга, предназначенная на продажу, приобретает значение первоэлемента русского информационного рынка. Становление его, обретение им развитых форм идет в течение целых пяти столетий. Этот процесс чрезвычайно богат явлениями, событиями, фактами, некоторые из них получили отражение в статье. Например, в первой трети XIX в. российский информационный рынок получает новый импульс в связи с деятельностью журналистов Ф. В. Булгарина, Н. И. Греча, О. И. Сенковского, издателя А. Ф. Смирдина и др. Складывается так называемое торговое направление российской словесности (или «литературная промышленность»). Его представители, как показывают, в частности, исследования Ст. Рассадина и Г. И. Щербаковой⁵, на которые ссылается Г. В. Жирков, ставят издания на деловую ногу, выступают новаторами, прокладывают пути к массовой аудитории, стараются использовать все возможности потенциального расширения читательского круга (С. 305).

Рынок есть рынок. Он способствует профессионализации журнализма, вводит в обиход понятия «гонорар», «авторская собственность», «реклама», «кредит» и т. д. «Опора на информационный рынок, потребности массового читателя, — говорится в указанной статье, — основа жизненности этого направления, которое к концу XIX века, а особенно в начале XX становится в информационном процессе общества основным, а сейчас переживает ренессанс» (С. 306). «Торговое направление» с момента появления подверглось жесткой критике сначала со стороны «литературной аристократии» — литераторов из дворян, затем — борцами из демократического лагеря. Г. В. Жирков цитирует, например, публициста «Русского слова» Н. В. Соколова, его пафосное обличение: «Нельзя без гнева и отвращения говорить о современной журналистике, которую насквозь прососала преступная продажность. За все определяется плата, все оценено, отторговано по правилу спроса и предложения» (С. 307).

Автор сборника знакомит читателя с основными положениями книги Н. В. Соколова «Экономические вопросы и журнальное дело» (СПб., 1866). Соколов предлагал считать действительными издателями газет и журналов их подписчиков. Издержки на издание, по его мнению, не должны превышать подписной суммы⁶. В связи с последним положением Г. В. Жирков приводит убедительные данные о том, что в конце XIX — начале XX в. «газеты стали издаваться в большей степени на деньги рекламодателей, чем подписчиков и читателей. <...> Удобство рекламы для капитала в том, что она представляет собой скрытую форму финансирования журналистики» (С. 319, 342). Мечта Соколова о выступлении подписчиков и читателей в роли издателей оказалась утопичной. Однако и сейчас актуальны его мысли о недопустимости монополизации информационного процесса, повышении роли общества, т. е. тех же подписчиков и читателей, слушателей и зрителей, в регулировании этого процесса.

В XIX в. обстановка, складывающаяся на информационном рынке, начинает учитываться и цензурой. В обозреваемом очерке показано, как со второй полови-

ны 1860-х гг. в надзорной политике все большее значение приобретает экономическое давление на печать: система залогов, используемое министром внутренних дел право запрещать на время и розничную продажу провинившихся изданий, и размещение частных объявлений, рекламы, и приостановка изданий, за которой, естественно, следовал отток рекламодателей. Капиталу во всех отношениях становилась выгодной лояльность газет. Здесь, подчеркивает автор, коммерческий интерес и направление цензурной политики совпадают; более того, капитал становится соучастником создания цензурного режима в обществе (С. 344).

Вопросы цензуры в последнее время вновь стали злободневными для исследователей и практиков СМИ. Г. В. Жирков, как уже отмечалось, неоднократно обращается к различным сторонам надзора за прессой и делает это с глубоким знанием анализируемых проблем. Однако в некоторых моментах тексты сборника требуют уточнения. Так, в статье «Самодержавный цензор» автор дважды ставит в вину Николаю I *отступление* от цензурного устава. Во-первых, за пристрастное цензурование журнала И. В. Киреевского «Европеец». Во-вторых, за последовавшее затем, «опять вопреки цензурного устава», повеление не позволять впредь никакие новые журналы без особого высочайшего разрешения (С. 133). Мы нисколько не намерены оправдывать венценосного сурового цензора. Но Николай I действовал строго... по уставу 1828 г., § 25 которого предусматривал любые сверхуставные цензурные действия «не иначе как по высочайшему повелению»⁷. Самодержец не мог нарушить устава, поскольку сам устав позволял ему быть выше цензурного закона. Острые критики здесь следовало бы направить не против царя, а против нормативных актов, санкционирующих произвол.

Второй наш уточняющий момент связан с очерком «Типичный цензор Николаевской эпохи», посвященным А. И. Красовскому, члену Петербургского и Главного цензурных комитетов в 1833–1857 гг., затем председателю КЦИ. Может быть, автор включил в сборник очерк с отталкивающим образом А. И. Красовского как контраст к портрету любимого им Ф. И. Тютчева? Мы знаем также, насколько уважительно Г. В. Жирков, в отличие от многих других исследователей, относится к профессии и личности цензора. Суть нашего замечания сводится к тому, что о цензоре менее всего можно судить по отзывам о нем литераторов-современников. Слишком в тесных и неравных отношениях они находятся. Писатель отдает цензору дорогое, родное, выношенное — свое произведение и не может быть беспристрастным к вивисекции, которую производит над этим сочинением чиновник надзорного ведомства. До потомков же доходят эмоциональные отклики писателей, а не цензоров.

Понятно, что очень трудно реконструировать строй личности, характера чиновника данного рода. Наверное, судить о нем можно, изучая качество цензурованных им изданий. Нам довелось ознакомиться с некоторыми изданиями, цензором которых был А. И. Красовский. Например, с очень неплохим педагогическим журналом «Детский собеседник». Мы не заметили в нем следов «самодурства» и «фанатизма» Красовского. Он раскритикован также за деятельность в Комитете цензуры иностранной. Но вот в книге Г. В. Жиркова «История цензуры в России XIX века» читаем о том, что с 1828 по 1848 г. число изданий, ежегодно ввозимых в страну, увеличилось «почти вдесятеро» — с 90 до 825 тыс. томов⁸. Это при «гасителе просвещения» Красовском. Думается, А. И. Красовский еще при жизни был в известной степени мифологизирован литераторами, превращен в «козла

отпущения», кочующего по анекдотам и эпиграммам. Неплохо бы исследователям по-настоящему изучить эту личность; мифологизированные фигуры всегда интересны.

Так получилось, что обзор первой половины сборника, где речь идет о дореволюционной журналистике, мы завершили высказанными замечаниями. Мы не приберегали их специально для промежуточной концовки. Сложный этот дореволюционный, особенно николаевский, период. Еще недавно в массовом порядке, да нередко и сегодня, он оценивался как погружение российского вольного слова «в глубокие сумерки». По словам автора, «цепочку явлений социально-политической и культурной жизни страны, которые противоречат “погружению ее во мрак”, можно продолжить, не отрицая при этом и всю сложность бытия как человека, так и государства. Не легкого и простого бытия обычно не бывает...» (С. 4). Не бывает и легких ответов на вопросы, которые ставит историческая наука.

В этом мы вновь убеждаемся, когда знакомимся с материалами второй, советской и постсоветской, половины сборника. Она открывается статьей «Троцкий — публицист». Привлекает, конечно, уже само имя, до недавних пор табуированное, во всяком случае не употреблявшееся в положительном значении. Еще в предисловии автор отмечает, что ни в период перестройки, ни после Л. Д. Троцкий не был официально реабилитирован, ничего существенного не сделано по демифологизации его имени. Даже в новейших пособиях по истории журналистики XX в.⁹ о нем есть только общеизвестные факты и фразы в контексте разговора о внутрипартийных разногласиях (С. 9).

В книге представлена ранняя, но очень интересная публицистика молодого ссыльного руководителя Южно-русского рабочего союза, печатавшего произведения самых разных жанров в «Восточном обозрении» (Иркутск, 1902). Но наибольшее внимание привлекает к себе глава «Перо, перекованное в меч», в которой наркомвоенмор, позднее — председатель Реввоенсовета Троцкий показан как политический руководитель, по-новаторски ставящий журналистику на службу военному делу. В 1918–1920 гг. получили распространение агитационно-инструкторские поезды и пароходы. Во ВЦИКе действовал даже специальный отдел, координировавший их работу. Хотя поезд Троцкого основной целью имел управление войсками, но одновременно его коллектив вел организационную, инструкторскую, агитационную и пропагандистскую работу. Наличие в поезде типографии, телеграфа, радио, электрической станции позволило профессионально издавать газету «В пути», основным автором которой был сам нарком.

Г. В. Жирков подробно останавливается на своеобразии публицистики наркомвоенмора, рождавшейся, по словам Троцкого, «под аккомпанемент пулемановских рессор и колес». Так, автор выделяет два вида передовиц военно-политического лидера молодой Советской Республики. Во-первых, оперативные, боевые и лаконичные статьи в пределах 60–80 строк. Это своего рода боевой дневник и постановка злободневных задач, сиюминутный отчет о происходящем на фронтах и в тылу, а также диалог Троцкого с бойцами и командирами. В условиях немалой временной протяженности отдельных ключевых событий (например, оборона Петрограда) появлялись циклы статей, в своей совокупности раскрывающие ситуацию объемно и широко. Второй вид передовиц наркома — проблемные. Они заостряли внимание на конкретном вопросе, требующем немедленного вмешательства: забота о раненых бойцах, помощь семьям красноармейцев, необходимость гуман-

ного отношения к пленным белогвардейцам и т. д. (С. 376–381). В передовицах, аналитических обозрениях и статьях оттачивалось и раскрывалось мастерство Троцкого-публициста.

Интересный для дальнейшего исследования сюжет — опыт первой, пожалуй, кооперации различных советских средств информации. Поездная радиостанция, замечает Г. В. Жирков, давала возможность повысить оперативность печатной информации, расширить пространство ее распространения. Рубрика «Радио поезда Троцкого» появлялась во многих советских изданиях тех лет, а на страницах газеты «В пути» она была постоянной (С. 373–374). Эти и другие явления журналистики эпохи Гражданской войны достойны изучения и сегодня.

Рабселькоровское движение — гордость советской журналистики. Но его блестящий этап, 1923–1928 гг., сейчас редко является предметом научного анализа. Тем более познавательны посвященные этому этапу статьи обозреваемого сборника. Автора привлекает прежде всего селькоровская часть массового потока нештатных корреспондентов из народа. Для этого есть основания. Движение активистов прессы растет и множится и к концу 1927 г. охватывает уже более 400 000 человек, в том числе 192 344 (48 %) селькора, 115 607 (28,9 %) рабкоров и 73 344 (18,3 %) военкора. Если в начальный период движения основной его фигурой был рабкор-пролетарий, то затем пролетарская прослойка здесь становится все тоньше и тоньше (С. 455). Существенным фактором общественной жизни в деревне становятся кружки друзей газеты (КДГ). В книге приведено немало примеров активнейшего участия сельских кружковцев и в агропропаганде, открытии изб-читален, выпуске стенных и живых газет и т. д. Многие КДГ в своей работе даже копировали партию: обзаводились уставами, руководящими органами и, как подчеркивает Г. В. Жирков, «становились центром культурной, массовой и политической деятельности на селе. В этом случае они явно составляли конкуренцию партийным ячейкам там, где они были (и заменяли их там, где их не было. — Л. М.). Таким образом, найденная в ходе развития массовой печати форма организации рабселькоровского движения делалась неподконтрольной партии, автономной, что к концу 20-х годов осознавалось многими партийными руководителями» (С. 465). В статье «Мираж оппозиционной партии и его последствия для рабселькоровского движения» прослежен процесс ликвидации «кружковщины» и замены КДГ периодическими рабселькоровскими собраниями, которые проводили редколлегии партийных газет.

В числе «белых пятен» истории нашей журналистики находятся, как ни странно, жизнеописания, характеристики личностей ученых, посвятивших себя изысканиям в области печати, радио, телевидения. В лучшем случае мы знаем их фамилии, но малоизвестными для нас остаются обстановка научного творчества, обстоятельства создания и судьба тех или иных трудов, факты биографии.

Одно из таких «белых пятен» закрывает статья об исследователе печати 1920-х гг. Я. Шафире. Сравнивая своего героя с другими разработчиками вопросов прессы той эпохи (П. Керженцев, В. Карпинский, М. Курс, М. Левидов, В. Кузьмичев и др.), Г. В. Жирков делает вывод, что «Я. Шафир выделяется разнообразием поднятых проблем журналистики и числом статей и книг, где речь идет об этих проблемах» (С. 471). Названный период примечателен атмосферой относительно свободных дискуссий. В стране идет интенсивное формирование новой аудитории новой прессы, не менее интенсивно идет и осмысление ее места в политической, социально-экономической структуре общества. В этой ситуации Я. Шафир высту-

пил в роли одного из первопроходцев в социологии и психологии журналистики. Известность получили его работы по изучению сельского и городского читателей как методом их непосредственного опроса, так и через письменные анкеты, острые статьи о языке, культуре и содержании печатного издания. Он также поставил вопрос о взгляде на газету как на товар, что было для 1920-х гг. неожиданным, опережающим свое время. Думается, что и сейчас, в эпоху рейтингов, не утратили методического значения размышления Шафиро о конкретно-социологических исследованиях аудитории, особенно с точки зрения задач использования разных приемов и четкого представления о предмете анализа (С. 474–479).

Данная статья знакомит нас и с некоторыми другими исследователями прессы. В то дискуссионное время с иными из них Я. Шафир полемизировал, но автор, сохраняя объективность, далеко не всегда разделяет его точку зрения. Так, Я. Шафир критиковал теорию информации М. Левидова. Г. В. Жирков обращает внимание на смелую постановку Левидовым вопроса о трех препятствиях на пути к агитации фактами или политике фактами. Это, во-первых, «боязнь бульвара», «обывательщины», что ведет к боязни быта, отсутствию его проблем, «человеческих историй» и в итоге обескровливает печать. Во-вторых, Левидов предлагал в духе времени преодолеть засилье международной информации и повернуть содержание журналистики «лицом к СССР». Третье препятствие напоминает нам сегодняшнюю обстановку: «Ожесточеннее всего борются с гласностью “пресс-бюро” при советских учреждениях, задача которых сводится, конечно, к тому, чтобы ограждать учреждения от прессы». Левидов называл это «системой канцелярско-ведомственной тайны» (С. 492–495).

После окончания периода НЭПа на многих направлениях оригинальные социологические, психологические и другие исследования прессы прекратились. Тем не менее у современных теоретиков журналистики были замечательные предшественники. Главный данный ими урок — практическая направленность научных трудов.

Во второй половине сборника исследователи СМИ, вообще заинтересованные читатели найдут еще немало текстов, открывающих малоизвестные страницы нашей журналистики или дающих новый взгляд на, казалось бы, давно «пройденный материал». Таковы статьи об эмигрантской духовной периодике и сталинской школе мифологизации журналистики, очерк о военной публицистике 1941–1945 гг., историографический обзор тюремно-лагерной прессы.

Завершает книгу теоретико-методологическая статья «Информационный процесс общества на грани веков». Здесь мы остановим внимание на некоторых суждениях Г. В. Жиркова о цензуре. Вместе с возникновением возможности применения новых информационных технологий в глобальном масштабе встал и вопрос о защите общества от пагубных воздействий информационного фона, т. е. об определенном цензурном режиме. Автор полагает, если не вечной, то весьма долговечной, необходимость регулирования информационных потоков. «...Цензура существовала и до появления самого слова “цензура”, до изобретения печатного станка» и создания первых надзорных учреждений. Как атрибут государства цензура сохранится, пока существуют ее объективные и субъективные истоки. К первым относится наличие разного рода тайн: государственных, военных, коммерческих, партийных, тайн личной жизни человека и т. д. Вторым служат противоречия процесса общения людей, конфликты социальной среды, столкновение разных

интересов и потребностей (С. 641–646). Однако новый цензурный режим не может формироваться по старым меркам. В статье приводятся слова президента Фонда гласности А. Симонова: «Власти числят информацию своей собственностью и поэтому не спешат делиться ею с собственными гражданами» (С. 654). Но ведь такое вотчинное, владельческое отношение власти к информации изобличили и раскритиковали мыслители еще в XVIII и XIX вв.

Происшедшие перемены в инфоноосфере поколебали устои цензуры, но обществом востребованы новые механизмы цензурного режима. «В современных условиях, — пишет Г. В. Жирков, — особенно важно понимать то, что цензурный режим складывается усилиями основных участников информационного и журналистского творческого процессов; тех, кто производит, контролирует и потребляет информацию... В связи с этим необходимо установление *партнерских отношений*... власти, капитала, журналистов и аудитории. В результате их общественного договора возможны та степень свободы слова, которая будет учитывать общие интересы; тот цензурный режим, который сведет число конфликтных ситуаций в регулировании информационных потоков к возможному минимуму» (С. 656–657).

В статьях и очерках Г. В. Жирков цитирует многие архивные документы, привлекает материалы очень далекого и весьма близкого прошлого. Но всегда с оглядкой и нацеленностью на процессы, идущие в журналистике сейчас, с авторской озабоченностью о сегодняшней ситуации в СМИ и трезвым отношением к новациям. Вот почему сборник получился не только об истории, в чем-то он — оценка настоящего и проект будущего. И, конечно же, напоминание о том, как важна для теории журналистики опора на прочную историческую базу.

¹ Ключевский В. О. Соч.: В 8 т. М., 1958. Т. 5. С. 284.

² См., напр.: Жирков Г. В. «Но мыслью обнял все, что на пути заметил...» // «У мысли стоя на часах...»: Цензоры России и цензура. СПб., 2000. С. 100–158; Он же. Мнение Председателя Комитета цензуры иностранной Ф. И. Тютчева // Невский наблюдатель. 1998. № 1. С. 77–82; Он же. Ф. И. Тютчев о цензуре // Там же. 1997. № 1. С. 41–46.

³ См. главу «Торжок» в сочинении А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», написанном в 1790 г.

⁴ Отеч. зап. 1881. № 8. Отд. 2. С. 262.

⁵ См.: Рассадин Ст. Возвышение и падение Осипа Сенковского // Вопр. лит. 1967. № 7; Щербакова Г. И. Журнал О. И. Сенковского «Библиотека для чтения» (1834–1856 гг.) и формирование массовой журналистики в России. СПб., 2005.

⁶ См.: Соколов Н. В. Экономические вопросы и журнальное дело. СПб., 1866.

⁷ Власть и пресса в России: К истории правового регулирования отношений (1700–1917): Хрестоматия. М., 1999. С. 85.

⁸ См.: Жирков Г. В. История цензуры в России XIX века. СПб., 2000. С. 81.

⁹ См.: Овсепян Р. П. История новейшей отечественной журналистики. М., 1996; Стровский Д. Л. История отечественной журналистики новейшего периода: Лекции по курсу. Екатеринбург, 1998.

Л. М. Макушин, кандидат исторических наук,
доцент кафедры периодической печати
Уральского государственного университета им. А. М. Горького

Материал поступил в редакцию 20.04.2008 г.